

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ф. АБРАМОВ

★

ЛЮДИ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПРОЗЕ

(Литературные заметки)

Главная задача, которая стоит перед советским народом на современном этапе коммунистического строительства, была определена сентябрьским Пленумом ЦК КПСС. Она заключается в том, чтобы в течение двух-трёх лет, опираясь на могучий рост промышленности, добиться крутого подъёма всех отраслей сельского хозяйства, в достатке удовлетворить растущие потребности населения в продуктах и товарах широкого потребления, обеспечить сырьём лёгкую и пищевую промышленность.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС указал на недостатки в сельском хозяйстве, на отставание сельского хозяйства от роста нашей промышленности, от быстро растущих потребностей населения и принял развёрнутую программу ликвидации запущенности ряда важнейших отраслей сельского хозяйства. Для осуществления этой программы за истекшее полугодие проделана значительная работа. Проведён ряд мер для экономического поощрения колхозов и колхозников; значительно возросли кадры постоянных рабочих МТС, в деревню направлено более 100 тысяч агрономов и зоотехников, более 20 тысяч инженеров и техников, колхозы и совхозы получили много тракторов и первоклассных сельскохозяйственных машин.

Новым важнейшим вкладом в дело крутого подъёма сельского хозяйства является постановление последнего Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Пленум указал на особую важность дальнейшего развития зернового хозяйства. «От роста производ-

ства зерна,— сказано в решении Пленума,— прежде всего зависит дальнейшее всё более полное удовлетворение растущих потребностей населения в высококачественных продуктах питания».

Задача крутого подъёма сельского хозяйства — задача общегосударственная, все-народная. Мы являемся свидетелями и участниками большого прогрессивного движения. В каждой из отраслей труда советские люди на основе критики и самокритики анализируют накопленный опыт, вырабатывают такие формы деятельности, которые как можно лучше помогли бы достижению цели.

Не остаётся, конечно, в стороне от все-народного дела и наша художественная литература. Писатели — художники и критики — горячо обсуждают вопрос: как помочь народу успешно и быстро решить задачу, поставленную партией и правительством, в чём заключались недостатки их прежней работы, которые надо устранить, чтобы литература могла лучше помогать людям в их великом труде.

Деятели советской литературы неустанно борются за всё более глубокое изображение действительности, за активное вторжение литературы в жизнь. Глубина и верность отражения жизненной правды — это для нас главное мерило ценности литературного произведения. Художественность неотделима от реализма; сильно и верно воздействовать на жизнь может лишь правдивое искусство.

Наша литература по праву гордится произведениями, помогающими советским людям жить, работать и побеждать. Среди

этих произведений почётное место занимают книги, в которых изображены люди колхозной деревни. Кто не знает роли, какую сыграла и играет «Поднятая целина» М. Шолохова? Читатель помнит стихи М. Исаковского о людях колхозной деревни, написанные двадцать лет тому назад, не забыл «Брусков» Ф. Панфёрова, «Ненависти» И. Шухова, «Сыновей» В. Смирнова.

После Великой Отечественной войны, в 1946—1952 годах, появились «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землёй» С. Бабаевского, «От всего сердца» Е. Мальцева, «Жатва» Г. Николаевой, «Марья» Г. Медынского и многие другие произведения о нашей деревне. В этих книгах мы находим волевых, закалённых войною людей, пришедших в послевоенную деревню и работающих так же героически, как они сражались. Так, в «Жатве» Галины Николаевой маленькая партийная организация, состоящая всего из трёх коммунистов, проводя политику партии, становится душой колхоза, вожаком колхозников в борьбе за новый подъём деревни. Послевоенная литература создала также немало запоминающихся образов советских колхозниц, вынесших на своих плечах безмерные тяготы войны и с новым энтузиазмом продолжающих трудиться в условиях мирного времени (Авдотья Бортникова у Г. Николаевой, Марья у Г. Медынского, Груня у Е. Мальцева). Писатели, воссоздавая облик современной деревни, не только показывали сегодняшний день колхозов, но и пытались раскрыть день завтрашний.

Многие из произведений о послевоенной деревне получили признание со стороны критики и приобрели свой круг читателей, ловящих каждое новое слово о современной жизни, с благодарностью принимающих всё сколько-нибудь ценное и ради этого готовых иногда простить автору ошибки. Однако это не должно скрывать от нас серьёзные недостатки послевоенной литературы о колхозной деревне. Они стали особенно очевидными в свете последних решений партии и правительства по вопросам сельского хозяйства. Мы считаем полезным остановиться на некоторых из этих недостатков. Это необходимо для того, чтобы советская литература успешнее двигалась вперёд.

Оговариваемся: читатель не найдёт в наших заметках полной характеристики послевоенной литературы о колхозной деревне.

В них нет всесторонней критической оценки даже тех произведений, о которых пойдёт речь. Но те отдельные вопросы, которые мы постараемся разобрать, представляются нам важными.

1

Романы и повести С. Бабаевского, Е. Мальцева, Г. Медынского, И. Рябокляча, Ю. Лаптева, С. Воронина, Г. Николаевой — произведения, принадлежащие столь различным писателям, — имеют много общего между собой.

Начнём хотя бы с того, что в них наблюдается очевидное сходство тем и первоначальных ситуаций: везде рассказывается о том, как после войны колхозники налаживают и преобразуют колхозное хозяйство, почти везде местом действия является самый отсталый колхоз района или даже области. С. Бабаевский сообщает в «Кавалере Золотой Звезды», что станица Усть-Невинская пострадала от фашистской оккупации больше всех станиц района. Ю. Лаптев, автор повести «Заря», на первых же страницах уведомляет нас о крайней отсталости изображаемого колхоза. Ещё более определённо говорится о том же в произведениях И. Рябокляча и Г. Николаевой. «Заря» — самый отсталый колхоз в районе, — пишет И. Рябокляч; «Самый плохой колхоз самого трудного сельсовета, в самом трудном районе области», — характеризует Г. Николаева колхоз имени Первого Мая. И в романе Г. Медынского «Марья» речь идёт о росте колхоза, захиревшего в первые месяцы войны. Наконец, роман С. Воронина «На своей земле» начинается с огромных трудностей, испытываемых переселенческим колхозом.

Борьба за то, чтобы поднять отсталые колхозы до уровня передовых, составляет характерную особенность в развитии нашей деревни. В послевоенные годы наше сельское хозяйство в короткий срок преодолело последствия войны и достигло более высокого уровня по сравнению с 1940 годом. Темы и сюжеты произведений, названных выше, были подсказаны самой жизнью и не вызывают никаких сомнений. Вызывает возражение другое...

После войны борьба за развитие колхозов происходила в особых условиях. «Война временно задержала развитие сельского хозяйства и нанесла ему большой ущерб, особенно в районах, подвергавшихся окку-

пации, где гитлеровскими захватчиками были разорены и разграблены колхозы, МТС и совхозы»¹. Для достижения победы потребовалось предельное напряжение всех сил наших людей. Из колхозов ушли на войну почти все мужчины. Оставшимся женщинам, подросткам и старикам пришлось выполнять ту работу, которая раньше выполнялась всем населением деревни. Вместо прежних квалифицированных трактористов, ушедших на фронт, пришлось сажать на трактор наскоро обученных на курсах подростков. Руководство колхозов зачастую переходило от опытных хозяйственников к людям, не имеющим организаторских навыков. Всё это и многое другое не могло не сказаться на качестве обработки земли, на урожайности.

В результате деревня после войны столкнулась с рядом трудностей. Сократилось поголовье скота, пришли в негодность многие сельскохозяйственные постройки; нуждался в пополнении тракторный парк МТС. Острый недостаток стал ощущаться в рабочей силе — ведь многие из ушедших на войну мужчин не вернулись домой... Вдобавок ко всему этому, в 1946 году по нашим полям прошла засуха. Стоимость трудодня пала, у некоторой части колхозников исчезла материальная заинтересованность в работе, участились случаи нерадивого отношения к колхозному труду.

Нечего и говорить, что в тех местах, где фашистские полчища превратили наши цветущие сёла и города в зону пустыни, трудности в восстановлении и развитии сельского хозяйства были ещё больше. Там колхозную жизнь приходилось возрождать на пепелищах.

Советский народ под руководством Коммунистической партии успешно восстановил и двинул вперёд разорённое войной сельское хозяйство. При этом он не закрывал глаза на недостатки и трудности. Если бы и писатели, изображая гигантский труд нашего народа, смотрели жизни прямо в глаза, это можно было бы им поставить лишь в заслугу. Изобразить движение нашей страны к коммунизму, показать реальные трудности и их преодоление, раскрыть

главные жизненные противоречия, возникшие на новом этапе, нарисовать живые образы тружеников сельского хозяйства и, показывая правду, указывать путь вперёд, помогать советским людям в их борьбе — это главная задача писателей, взявшихся за разработку важнейших тем, выдвинутых действительностью. К сожалению, жизнь послевоенной колхозной деревни в ряде случаев изображалась в художественной литературе односторонне и в прикрашенном виде.

Так, в романе «От всего сердца» Е. Мальцева единственная трудность, испытываемая колхозом в годы войны, — это косность председателя колхоза, чинившего некоторые препятствия стахановской работе звеньевой Груни Васильцовой. За годы войны колхоз так шагнул вперёд, так отстроился, что вернувшиеся фронтовики с трудом узнают своё село. «Подхожу вчера вечером к родной деревне, — рассказывает Матвей Русанов, — и не узнаю: что твой город!» Такие же перемены отмечает и Родион. «— Откуда, тять, прожектор? До войны будто не было!..» — спрашивает он отца, когда они подъезжают к деревне. — «Мало ли чего до войны не было...» — отвечает отец.

Писатель не удовлетворился тем, что изобразил один колхоз, выросший за годы войны (такие колхозы встречались), — он рассказывает, что в районе, где происходит действие романа, хозяйственно поднялись все колхозы: вскоре после войны там проводился слёт передовиков сельского хозяйства, и с трибуны этого слёта мы не слышим ни слова о каких-либо недостатках и трудностях.

Быстрое развитие колхоза во время войны нарисовано и в романе Г. Медынского «Марья». Правда, в первый военный год не хватает рабочей силы и лошадей, приходится пахать на коровах; в первую осень уходит под снег не убранный с полей хлеб. Но в дальнейшем всё это никак не отражается на делах колхоза: «Три тысячи пудов сдала она (Марья. — Ф. А.) сверх плана в фонд Красной Армии и всё-таки на трудодень выдала колхозникам по два килограмма с довеском. И коров в колхозе стало больше, и свиней больше, чем до войны». Что же касается послевоенных лет, то к этому времени колхоз у Г. Медынского, как и у Е. Мальцева, не знает уже никаких трудностей и недостатков.

¹ Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 47.

Иногда писатели упоминают о существовании серьёзных недостатков в колхозах времён войны и послевоенных лет. Но только упоминают; они не пытаются реалистически изобразить ни преодоление этих недостатков, ни влияние их на судьбы людей. Так, например, С. Бабаевский устами Хохлакова замечает, что военные раны ещё не залечены «и нам ещё далеко до предвоенного уровня», что в станице «бесхозяйственность и беспорядок»; и старик Тутаринов говорит, что в колхозе имени Ворошилова хозяйство доведено «до упаду», «бурьян выбился в колено, посевы заросли. Беда, загнали землю!» Но все эти беды как будто не имеют значения. В начале романа, на пиру по случаю приезда с фронта Сергея Тутаринова, мы видим перегружённые яствами столы; те же ломящиеся под тяжестью блюд столы — свидетельство зажиточности, богатства колхоза — мы видим и в конце романа. Перед такими картинами изобилия и довольства теряют всякое значение лишь упоминаемые писателем (или героями произведения) беды и трудности.

Были, конечно, в литературе и такие произведения, в которых послевоенные трудности показаны вполне отчётливо. Особенно выделяется в этом отношении «Заря» Ю. Лаптева, где правдиво рассказано о тяжёлых испытаниях, перенесённых после засушливого лета 1946 года тамбовской деревней. И в романе Г. Николаевой «Жатва» показано, что хозяйство колхоза за годы войны пришло в упадок, а у части колхозников ожили собственнические тенденции.

Таким образом, нельзя сказать, чтобы жизненная картина в произведениях различных наших писателей получилась одинаковой. Нет, послевоенные трудности и недостатки в работе колхозов в каждом из романов изображены по-разному. В одних они забыты совсем (или сведены к мелочам); в других помещены где-то в стороне, не мешая ровному течению жизни; в третьих положение изображено с достаточной серьёзностью. В этом смысле между отдельными писателями и произведениями есть несомненное различие. Сходство, доходящее до однообразия, заключается в другом: может показаться, будто авторы соревнуются между собой — кто легче и бездоказательнее изобразит переход колхоза от неполного благополучия к полному процветанию.

В «Жатве» Г. Николаевой сам Василий Бортников «не мог не удивляться чуду преобразования»; «и полгода не прошло, — думает он, — как я принял колхоз, а сколько дел понаделано за это время! Куда ни взгляни, во всём подъём и достижения!»

С завидной лёгкостью поднимает хозяйство станицы С. Бабаевский. Неожиданно для читателя, без достаточных оснований он сообщает, что самая пострадавшая от войны кубанская станица, да к тому же ещё имевшая самый отсталый колхоз, выходит на первое место в районе по выполнению хлебопоставок и получает переходящее Красное знамя... Конечно, Кубань — край богатый, но ведь и там сказывались наши общие послевоенные трудности! А послушать писателя, так в быту кубанской станицы был в то время лишь один изъян: детскую соску Савва просит Сергея привезти из Москвы, в местных магазинах её купить нельзя.

Стремительно и малоубедительно выводит колхоз из отсталых в передовые С. Воронин в романе «На своей земле». В финале этого романа сентиментальное умиление сливается с репортёрской холодностью, и уже самый этот стиль вызывает естественное желание не дочитывать ту сцену, в которой колхозников, высыпающих всем селом в поле, чтобы посмотреть на работу первого на Карельском перешейке комбайна, одаривают цветами пионеры.

Не жалеет розовой краски и Г. Николаева, хотя она рисует жизнь колхоза после ряда неблагоприятных лет, через несколько месяцев после неурожайного 1946 года. В откровенно «пейзанском» стиле написан конец романа, где его герои, собравшись на Алёшином холме, созерцают картинный «парад» животных колхоза имени Первого Мая. Редко бывает в деревне, чтобы овец, жеребят, быков и коров пастухи гоняли вместе, как изображено это в «шестивии» скота у Галины Николаевой. Но для полноты и законченности этой пасторали писательница выводит ещё на сцену пастушка Володю, который, молодецкато закинув голову, «наигрывал на зеленоватом отшлифованном рожке». В духе пастушеской идиллии Г. Николаева обряжает и созерцающих шествие девушек-колхозниц: «Волосы у них были перевиты рябиновыми гроздьями, на шеях адели мониста из шиповника». Салтыков-Щедрин определял такие сцены одним словом: балет!

Пусть не поймут нас ложно. Мы упрекаем наших писателей не за то, что они показывали восстановление колхозов после войны и достижения колхозов, а за то, что они игнорировали при этом трудности развития и недостатки колхозного производства и быта, не затрудняли себя убедительным изображением перехода колхозов к нарисованному ими процветанию.

Колхозную жизнь, даже в будни, некоторые писатели любят освещать праздничными фейерверками. Они преувеличивают податливость жизненного материала, из которого будто бы можно вылепить какую захочется изящную группу, — надо лишь устранить из него то, что может нарушить стройность идеальных образов.

Конкретные условия развития сельского хозяйства в первые послевоенные годы были значительно сложнее той упрощённой картины, какая нарисована некоторыми нашими писателями. К этим писателям вполне применима сталинская характеристика: они воображают, «что Советская власть «всё может», что ей «всё нипочём», что она может уничтожить законы науки, сформировать новые законы»¹. И. В. Сталин говорил это о молодых партийных кадрах. Но такого же рода настроения мы встречаем и в литературе.

Такая тенденция проявилась, например, в романе Г. Николаевой «Жатва». Василий Бортников пришёл к руководству колхозом в то время, когда в нём царили беспорядок и запустение. По подсчётам председателя, кормов должно было хватить только до февраля. Правда, в дальнейшем автор сообщает, что колхозу удалось часть сена купить, а часть получить в виде помощи от государства, но, как бы там ни было, положение не стало лёгким, и едва ли при острой нужде в кормах можно было думать о том, чтобы ставить рекорды по надою молока. Но для колхоза имени Первого Мая у Г. Николаевой эта задача оказалась легче лёгкой: «Теперь на фермах строго рассчитывали рационы, выявляли возможности животных, выделяли племенные и раздойные группы, проводили бонитировку стад, занимались подбором производителей, переоборудовали и электрифицировали кормовую кухню». Именно в это время доярка Ксюша сумела добиться не-

бывалых в истории колхоза удоев и «бойко рассказывала и соседним колхозникам и гостям из района о своей работе с Думкой», о «кормовых единицах», о «перевариваемом белке», о «поддерживающем» и «продуктивном» корме. Здесь автор игнорирует реальную жизнь, изображённую им же самим. Ни один читатель, даже не живший в деревне, не поверит, чтобы посредством подсчёта рационов и переоборудования кухни можно было превратить бескормицу в изобилие кормов.

Возможно, кое-кто из читателей нашей статьи скажет, что мы подходим к романам и повестям с ограниченной точки зрения: не как к художественным произведениям, а как к отчётам или докладам производственного характера. Мы не согласимся с этим обвинением, ибо убеждены, что при поверхностном взгляде на материальные основы жизни, на производственные процессы нельзя глубоко и верно изобразить людей колхозной деревни, понять те конкретные идейные и моральные проблемы, которые приходится решать людям, занятым колхозной работой. Другими словами, нельзя написать произведение подлинно художественное.

Мы полагаем, что ведем речь о тех типических обстоятельствах, без правдивого изображения которых не могут быть созданы и подлинно типические характеры.

При этом, знакомясь с литературой, о которой идёт речь в настоящей статье, убеждаешься, что некоторых авторов куда больше интересуют мелкие подробности производства и живописные детали, образующие «конкретный трудовой фон», чем люди, о которых пишется роман, чем жизненные заботы председателей, бригадиров, доярок, птичников, хлеборобов, пчеловодов — людей, строящих своими руками коллективное хозяйство. Духовная жизнь героев в таких произведениях имеет отпечаток явной условности; только техническая производственная сторона изображаемого кажется на первый взгляд подлинной. Присматриваясь поближе, видишь, впрочем, что отказ писателя от глубокого изображения внутреннего мира людей ради более полного освещения их производственной деятельности оказался напрасной жертвой. Писатели, избравшие такой путь, не приобретают этой ценой также возможности проникнуть в сущность хозяйственных проблем, сделать в этой области самостоятельные наблюдения и извлечь из

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 10.

них самостоятельные выводы. Ведь и для того, чтобы верно изобразить труд, надо тоже научиться трезво оценивать жизнь, взглянув на неё глазами самих тружеников.

Справедливость сказанного можно подтвердить положительными примерами, взятыми из литературы тех же лет. Приведём один из них — роман А. Кожевникова «Живая вода». Этот роман выделяется живостью персонажей, очевидным интересом и уважением автора к людям, о которых он пишет, стремлением понять их и изобразить такими, как они есть, показать, какими они хотят быть и могут быть. Интересно, что именно «Живой воде» выпала удача содействовать пропаганде важного агротехнического новшества. Об этом новшестве знали, но его не оценили специалисты, которые намного лучше, чем автор романа, изучили технику водного хозяйства, но, повидимому, меньше, чем он, сумели прислушаться к голосу рядовых наших людей.

Быть может, в художественной литературе на темы из колхозной жизни резче всего проявилась ложная дилемма, возникшая в связи с вопросом о так называемом «производственном романе»: следует ли сосредоточить главное внимание на той материальной среде, в которой живут люди, на тех производственных задачах, которые они решают, или же в первую очередь надо обращаться к внутреннему миру людей, к их мыслям и чувствам. Неудовлетворительность «производственной» литературы и её теоретического оправдания теперь уже всем ясна. Полагаем, что не может приобрести сколько-нибудь значительного числа сторонников и противоположная, «антипроизводственная» тенденция, которая обозначалась у некоторых критиков «производственного романа». Вспомним, в чём видел Салтыков-Щедрин основу подлинного реалистического искусства. «Мы включаем, — писал он, — в эту область всего человека, со всем разнообразием его определений и действительности».

Иногда писатели и критики объясняют готовность отвлечься от реальной действительности с её жёсткими требованиями и трудными задачами своим намерением дать «широкое обобщение», «заглянуть в будущее». Но эти слова, указывающие на большие задачи искусства, в данном случае лишены истинного содержания.

Спору нет, познание развивающейся действительности включает в себя выявление

её ведущих тенденций — тех элементов, которые В. И. Ленин называл «ростками будущего». Но их не увидит писатель, который пытается проникнуть в будущее, надеясь больше всего на силу умозрительных схем. Произведения, основанные на предвзятости, лишённые конкретного жизненного содержания, будут бледной тенью жизни, но не активной силой, воздействующей на неё.

Насколько «смело» подчас отвлекаются писатели от реальной действительности, показывают некоторые сцены и картины романов С. Бабаевского.

В «Кавалере Золотой Звезды» Сергей Тутаринов после первого ознакомления со станицей убеждается, что колхозы Усть-Невинской «нуждаются в каких-то организационных мерах». Наблюдение правильное. В колхозе имени Ворошилова — вопиющие бесхозяйственность и беспорядок. Председатель Артамашев разбазаривает колхозное добро; поля запущены, заросли бурьяном, урожайность крайне низка; дисциплина колхозников ослабла. Казалось бы, в этих условиях герой прежде всего возьмётся за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, поднимет людей на борьбу за урожай. Но Тутаринов начинает с другого: он выдвигает идею пятилетнего плана, в котором первое место отводится строительству электростанции.

— Правильно сделал Тутаринов, — говорили об этом некоторые критики. — Электростанция — главное звено в цепи других задач, главное условие подъёма урожайности...

Не будем спорить. Однако сам-то герой думает отнюдь не так! Соорудив станцию, Сергей Тутаринов успокаивается, почивает на лаврах и лишь позднее решает внедрить электричество в колхозное производство. Значит, приступая к электрификации станицы, Тутаринов не придавал этому значения важного средства для повышения урожайности.

Как это ни странно, в романе не затронут далеко не маловажный вопрос — откуда колхоз возьмёт средства для постройки мощной электростанции, достаточной для обслуживания нескольких станиц. Ведь главный источник доходов этого колхоза — урожай, а мы знаем из романа, что он весьма низок; даже после уборки нового урожая Сергей Тутаринов признаётся: «С урожаем у нас, дедушка, плохо».

Заметим, кстати, что нечто подобное мы встречаем и в «Заре» Ю. Лаптева: в самое трудное для деревни время, когда людям хлеба не хватало, колхоз начинает закупать оборудование для будущей электростанции. Неужели нельзя было найти более практичное применение коллективных средств в этих условиях?

Допустим, что герой романа «Кавалер Золотой Звезды» как-то, неизвестным способом, сумел изыскать необходимые средства. Допустим даже, что вообще эта сторона дела в романе несущественна. Всё равно — то, что происходит дальше, не может быть объяснено ни одним разумным доводом: первый этап строительства электростанции — сплав леса — начинается в самый разгар уборки хлебов!

Страда — это время самого большого напряжения сил, когда каждый человек в деревне на счету. Созревшее зерно не ждёт: оно может осыпаться или попасть под затяжные дожди. Во время жатвы в сельских районах привлекают к уборке всех поголовно, даже стариков и детей. Бывает и так, что на время закрывают районные учреждения: в дни уборки всякая помощь колхозам неocenима. «Страдный день год кормит».

А вот у С. Бабаевского несколько бригад, сформированных из самой работоспособной части населения станицы, из молодёжи, в самый разгар хлебоуборки уходят сплавливать лес — и не на день, не на два, а на месяц с лишком.

Может быть, колхозы Усть-Невинской справились с уборкой досрочно, до сплава? Нет, в описании того, как готовилась станица к сплаву, чёрным по белому написано, что в Усть-Невинской в одном лишь передовом колхозе имени Будённого начали косить пшеницу. «На Кубани началась массовая уборка зерновых», — слышат сплавщики известие по радио.

Но и сплавом дело не ограничивается. Пока молодёжные бригады сплавливают лес, на реке Кубани под Усть-Невинской была возведена запань. Кубань, как известно, река бурная, и для возведения на ней запани потребовалось, конечно, тоже немало людей. Откуда же взялся такой избыток рабочих рук? Ведь в колхозах после войны нужда в людях ощущалась особенно остро, а временами была прямо-таки безысходной! И сам автор вынужден это признать: «Везде нужны были люди, а их не хватало». И всё же, вопреки здравому

смыслу, автор отрывает от уборки урожая всех наиболее работоспособных людей в самые трудные дни.

Уместно вспомнить, что особенности страдной поры в колхозе гораздо больше приняла в расчёт Г. Николаева: её герой, Василий Бортников, заготавливает строительные материалы зимой. «Сейчас не поднажмём, — говорит он, — а дальше ещё трудней будет. А там, глядишь, распустье, а там, глядишь, посевная. Сейчас надо возить». Справедливость такого мнения очевидна.

Безрассудных затей Сергея Тутаринова не пресекают ни районные, ни краевые власти. И это, разумеется, отнюдь не располагает читателя в их пользу. Председатель колхоза имени Будённого Рагулин показан человеком хозяйственным, практичным; неужели такой человек не выступил бы с самым решительным протестом против бесхозяйственности Тутаринова? Психологически не оправдано и ликование сплавщиков. Строки об их безмерной радости звучат фальшиво: «По весёлым, радостно возбуждённым лицам Сергей видел, что у всех сплавщиков настроение превосходное». Чему, казалось бы, радоваться, когда дома в самом разгаре уборка, а они, лучшие работники станицы, на сплаве!

Единственный человек, возражающий против этих затей Сергея Тутаринова, — Фёдор Хохлаков. Не однажды он напоминает, что главное внимание колхозов должно быть сосредоточено на борьбе за повышение урожайности. «Урожай — вот твой главный козырь!» — говорит Хохлаков Сергею. Забегая вперёд, скажем, что и в романе «Свет над землёй» Хохлаков будет высказывать неглупые мысли: «Уборка на носу, момент политический, страна ждёт хлеба, а руководство района задумало природу переделывать да станицы обновлять». Прав Хохлаков, резко критикуя Савву Остроухова, погружённого в мечты о будущем и забывающего о самых насущных задачах дня:

«— Савва, ты к небу не взлетай, не взлетай, а держись за землю, как Антей. Понятно? А то день в день планируешь, выдумываешь, а уборку спланировать не можешь. Сколько у тебя запланировано тягла в разрезе трёх колхозов?

— Я говорю о будущем станицы, а вы меня тычете носом в тягло, — раздражённо возражает Савва. — Я не знаю, как жил

Антей, а я не могу жить одним днём, понимаю, не могу!

— Эх, Савва, Савва,— горестно заговорил Фёдор Лукич,— славный ты казак, но когда же ты постареешь и ума наберёшься? Нам не теория твоя нужна, а подготовка к уборке и хлебосдаче. Понятно? А ты мне толкуешь о будущем».

Любому, кто знает, что борьба за урожай — главная задача колхозной деревни, трудно не встать в этом споре на сторону Хохлакова. Ведь и то будущее, о котором мечтает Савва, зависит от выполнения сегодняшних задач. И вот Хохлаков — человек, пытающийся вернуть к действительности не в меру замечтавшихся героев, выведен в романе С. Бабаевского консерватором, объявлен главным тормозом на пути стремительного развития района, заклеймён чуть ли не как враг народа. Справедливо ли это?

Возможно, что Хохлакову, человеку немолодому и малообразованному, недостаёт перспективы в работе. Но он сильный практик и, в отличие от героев, иногда довольно пустых романтиков, которых одобряет автор, твёрдо знает, что главное дело — производство, борьба за хлеб.

В романах С. Бабаевского о главном деле колхозников и их руководителей говорится лишь мимоходом, главным образом в репликах героев и коротких авторских замечаниях. Так, о начале косовицы мы узнаём из сообщения Саввы Остроухова Тутаринову, а об окончании мельком упоминает сам автор, описывая поездку Тутаринова по степи: «Косовица повсюду была закончена, и степь густо рябила копнами»; о том, что станица выполнила хлебопоставки, читатель узнаёт из рассказа Семёна и т. д.

Всё, что требует везде, во всех деревнях и сёлах большой заботы, упорного труда, в станице С. Бабаевского совершается само собой.

По инициативе Сергея Тутаринова, ставшего к этому времени председателем райисполкома, предпринимается грандиозное строительство в районе. На активе обсуждается план. В каждой станице предполагено построить водопровод, канализацию и многое, многое другое, в том числе «небольшие филиалы Академии сельскохозяйственных наук» для учёных-практиков (Дом зооветеринарии, Дом агротехники и

семеноводства, Дом мичуринцев, Дом электриков и механизаторов).

План, что и говорить, хорош; но в нём нет даже и упоминания о материальной стороне дела.

На этот раз на районном активе — не в пример собранию устьевинцев, где обсуждался пятилетний план строительства в станице, — раздаются трезвые голоса: «Заманчиво, а где же всё-таки взять такой капитал?» Но и здесь собрание встречает насмешкой этот разумный деловой вопрос:

«— Кто о чём, а Гордей Афанасьевич о капитале!

— Поезжай в Комбанк да проверь свои счёта...»

Наконец Тутаринов говорит:

«— Сейчас я и перехожу к самому главному — финансовому обеспечению строительных работ...»

Но именно на этом глава оборвана, и дальше к вопросу о реальной основе плана автор не возвращается. Читатель снова вынужден ломать голову над вопросом, откуда же всё-таки Тутаринов возьмёт деньги.

Мы помним ведь — в конце романа «Кавалер Золотой Звезды» Тутаринов говорил: урожай плохой. Но в начале нового романа, продолжающего первый, мы читаем самоуверенные реплики:

«— А о капитале, Гордей Афанасьевич, плакать нечего: не он нас нажил, а мы его! Вот и вся моя речь!..

Зашумели аплодисменты...»

Нашёл только один человек, который пытается привлечь внимание колхозников к главной задаче. «— Тут все выступавшие, — заявил председатель колхоза «Дружба земледельца» Головачёв, — призывали быстрее иттить в коммунизм... а мы хлеборобское занятие забываем, а рвёмся к строительству...»

Но, не говоря уж о других, даже секретарь райкома иронически замечает, в точности повторяя слова легкомысленных участников собрания:

«— Ну, кто о чём, а Головачёв о хлеборобстве...»

Что же думают об этом сами хлеборобы? Они прерывают дельного оратора не менее недружелюбно, насмеваются над ним:

«— Запела «Дружба»!

— Ты по существу!

— Довольно прений!»

Так и не ответили Головачёву и даже выслушать его не захотели.

В дальнейшем Головачёв будет заклеивать себя как единомышленник и пособник Хохлакова. Такой провинности, как трезвый, деловой расчёт в ведении хозяйства, С. Бабаевский не прощает.

Любопытно отметить одно поразительное совпадение. Как и строительство электростанции в станице, второй план Тутаринова обсуждается опять-таки в самое горячее время. И правильно говорит Головачёв:

« — Да я не против стройки!.. Строить надо, а только уборка на носу, об ней тоже надо подумать... Почему нет совещаний по хлебоуборке? Ведь мы в первую голову не строители, а хлеборобы...»

Автор замечает: «Ему не дали договорить...»

Можно ли верить, чтобы хоть где-нибудь, хоть в одной какой-нибудь станице могло случиться то, что мы узнаём от С. Бабаевского? Нет, верить этому нельзя. Колхозники умеют по-деловому относиться к своей работе.

Почему-то у Бабаевского особенно не везёт уборке урожая. Нельзя, например, не удивиться такому факту. Колхозники и колхозницы выехали в степь, и вот там начинается усиленное изучение марксистско-ленинской теории. С трепетом ожидают колхозники секретаря райкома, приезжающего специально затем, чтобы проверить их знания. Как известно, ни «авральные методы» в партийном просвещении, ни экзамены как способ проверки знаний у нас не рекомендуются. Занятия обычно ведутся равномерно в течение десяти месяцев в году и прерываются именно на лето. Но это слишком обыденно для колхозников, созданных С. Бабаевским. И вот они, лишь выехав в поле, хватаются за книгу. На это время все хлеборобские заботы и печали отодвигаются на второй план.

Автор последователен. Он противопоставляет обычным практическим делам прекраснотворческие вымыслы, как бы стирая при этом доказать превосходство условно романтической выдумки над действительностью.

Быть может, нам возразят, что ведь социалистическому реализму не чужда романтика. Но нельзя же субъективизм, хуже того — откровенный авторский про-

извол, выдавать за романтику, свойственную социалистическому реализму! Романтика социалистического реализма, выражая пафос нашего строительства, помогает ещё глубже раскрыть действительность. Эта романтика не исключает, а предполагает отображение и реальных жизненных фактов и закономерностей, которым они подчиняются.

Основа «пасторального романтизма» — сглаженное, благодушное представление о развитии колхозной деревни, о нашем движении к коммунизму, который-де легко, без осуществления предварительных условий, чуть ли не сам собой войдёт в жизнь.

Увы, иногда в книгах наших писателей мы не находим иного понимания дела. Выражаясь словами старика Тутаринова, герои таких книг «собрались в коммунизм, как до тещи в гости».

Такой подход к действительности способен погубить любое произведение. Даже те ростки будущего, которые подмечены писателем в жизни, засыхают, лишённые необходимой для их развития почвы.

2

«Большой ребёнок нелегко и родится» — гласит русская пословица. Эта пословица применима к любому большому делу — хотя бы к той литературе, о которой идёт речь в наших заметках. Пословица эта ещё вернее приложима к объекту изображения, выбранному литературой: к формированию и развитию коммунистического отношения к общественному производству, к общественному труду. Существование личного хозяйства, кооперативный, а не общегосударственный характер колхозной собственности, условия оплаты за труд колхозника — все эти особенности деревенской жизни не могут не отражаться в той или иной мере и форме в сознании людей, в их психологии.

Конечно, именно колхозный строй является той основой, на которой происходит развитие социалистического отношения к труду. На базе колхозного строя у советского крестьянства выросло небывалое в истории деревни сознание общегосударственных, общенародных интересов. Многие из колхозников по степени своей социалистической сознательности стоят несколько ниже передовых промышленных рабочих. Но если говорить о классе в целом, то надо признать, что рост социалистического миро-

воззрения, преодоление пережитков капитализма в сознании людей — это процесс в деревне более трудный и медленный, чем в городе.

Между тем взгляните на наши романы последних лет из жизни рабочего класса, и вы убедитесь, что пережитки прошлого изображены в них гораздо ярче и нагляднее, чем в произведениях о людях колхозной деревни. А казалось бы, произведения о колхозной деревне должны были правдиво показать, что наряду с основной массой честных и сознательных колхозников есть ещё немало колхозников, заражённых частнособственническими пережитками, плохо работающих в колхозе, живущих различными побочными доходами, явно предпочитающих личное подсобное хозяйство хозяйству общественному. Однако эти обстоятельства почти не принимались во внимание авторами книг о колхозной деревне. Например, когда писателям приходилось касаться вопроса о приусадебных участках, занимающих, как известно, значительное место в быту колхозников, они терялись и не знали, что сказать. Чаще всего они заставляли колхозников на все лады поносить личное хозяйство.

В этой связи обращает на себя внимание ещё одна характерная особенность романов и повестей, которые мы рассматриваем: ни в одном из них, за исключением «Жатвы», нет машинно-тракторной станции. Это, конечно, тоже существенное доказательство того, как поверхностен подход писателей к изображению материальной, производственной жизни колхозного крестьянства. Но есть от этого упущения ещё одно вредное последствие для литературы, ещё более существенное. Роль МТС не исчерпывается их чисто производственными, техническими и экономическими функциями. Их социально-политическое значение заключается также в том, что они являются одной из важнейших форм связи города с деревней, союза рабочего класса с крестьянством, руководства со стороны рабочего класса строительством коммунизма в деревне. МТС приходят на помощь колхозам, повышая технический уровень, культуру их труда, содействуя воспитанию колхозников в духе коммунизма. Работники МТС оказывают также немалое влияние своим участием в общественной работе и наглядным примером социалистического отношения к труду.

Авторы рассматриваемых произведений не воспользовались этим богатым и интересным материалом, потому что для них вопрос об идейном развитии колхозника, о преодолении пережитков капитализма в сознании, вопрос о социалистическом воспитании почти что не существует.

Наиболее пагубно такой подход к делу сказался на изображении положительных героев. Некоторые положительные герои послевоенных книг о колхозной деревне утратили живые черты и чёрточки и превратились в фигуры, которым социалистическая сознательность и отличные деловые качества даны как бы самой природой.

Сергей Тутаринов ещё до войны, девятнадцати-двадцати лет отроду, уже был депутатом районного Совета (об этом мы узнаём из реплики Хохлакова). Спрашивается: за какие же заслуги он удостоился такой чести? По словам самого Сергея, до войны он учился в институте, а затем в танковом училище. Как он сам не усомнился в целесообразности этого избрания?

Самомнение растёт у Тутаринова год от году. К моменту своей встречи с Ириной он уже не считает возможным ставить себя в ряд с людьми обыкновенными. Он не может говорить просто и естественно, не манерничая. Он подчёркивает своё превосходство даже в объяснении с Ириной. Его сверстники говорят своим любимым: люблю. Не таков Сергей Тутаринов! Вместо признания у него приготовлен высокомерно-нисходящий вопрос: «Ты поверила бы, если бы я сказал, что люблю тебя?..» Нечего сказать, ошастливил!

Окружающие Тутаринова люди не смеются над прогрессирующим самодовольством Сергея, не осуждают его. Вокруг Тутаринова — атмосфера всеобщего восхваления и возвеличения, и он чувствует себя в ней легко и свободно.

Тутаринов — кандидат в депутаты Верховного Совета СССР — возвращается в станицу. Ещё за околицей его встречают ликующие люди, конный разъезд с пламенющим на ветру знаменем. Всадники в новеньких черкесках с наборами серебряных газырей, в новеньких кубанках из чёрной смушки и саженого размаха в плечах бурках, с красными, как пламя, башлыками за спиной. Они подводят Сергею ещё более картинно убранного коня «под высоким казачьим седлом и красочно расшитой попоной». И вот Сергей, сопровождаемый

конным эскортом, въезжает в Усть-Невинскую. «Навстречу им неслись приветливые возгласы. Толпа, собравшаяся за станицей, повалила следом за конниками. Из домов с той и другой стороны улицы выбегали женщины, девушки, подростки, дети и тоже направлялись за всадниками, с любопытством поглядывая на Сергея. Кони шли шагом, а из переулков выходили люди, и когда Сергей подъезжал к площади, откуда уже доносились звуки оркестра, — вся улица была заполнена жителями станицы».

И вот старик Тутаринов преподносит сыну «хлеб с солью вместе с рушниками, свисавшими чуть ли не до земли» (хорошо ещё, что дело обходится без земных поклонов). Затем начинается торжественная процедура, устроенная для прославления героя: «Ораторы выступали один за другим, голоса их звучали необыкновенно торжественно, и каждый, кто всходил на трибуну, восхвалял Сергея».

Любопытно представить себе в этот торжественный момент его лицо, а ещё интереснее — душу. Неужели он пребывал в невозмутимом спокойствии? Почему он не прекратил всей этой противоестественной церемонии?

Хочется думать, что если в жизни нечто подобное и происходит, то очень редко и притом с людьми, не имеющими подлинной ценности и больше всего озабоченными созданием себе популярности. Вообще же торжественные встречи у нас происходят проще и скромнее, чем рисует С. Бабаевский. Советские люди не любят крикливости и показного выражения любви.

Но что поделаешь, если писатель считает самым важным для главного героя не внутреннюю содержательность, а лишь без всяких усилий, неведомым путём приобретенное превосходство над окружающими. На всём протяжении романа лишь однажды секретарь райкома Кондратьев критикует Сергея — за благодушие. Да и то разве это настоящая критика! Она скорее похожа на приятельское собеседование, чем на принципиальный разговор двух руководителей района. Не случайно разговор ведётся в семейной обстановке, за чашкой чая. Вполне понятно, что такого рода чайда-сахарные увещевания не имеют ничего общего с той весомой и действенной критикой, какой нас учит партия.

Пожалуй, ни один персонаж послевоенной литературы не может похвастать такой

сказочной лёгкостью и внешней красотой своей жизни, как Сергей Тутаринов. Правда, Тутаринов — Герой Советского Союза, а героев наш народ ценит. Но всё же это не значит, что жизнь героя — сплошное триумфальное шествие по усеянному розами пути. С. Бабаевский устами Семёна внушает Сергею именно такую мысль: «Жизнь точно сама выходит тебе навстречу, и в какую бы ты сторону ни пошёл — всюду гостеприимно раскрыты двери...»

Романы С. Бабаевского строятся как бы в развитие этой слишком оптимистической формулы. Едва сошёл Сергей с поезда на кубанскую землю, как ему попадает на глаза красавица Ирина. Впрочем, и все герои Бабаевского — писанные красавицы и красавцы. Чертами отменной красоты наделены не только главные персонажи, но и самые третьестепенные, даже эпизодические фигуры. Приведём хотя бы некоторые примеры.

«На бричке, лицом к нему, сидел худощавый паренёк с красивыми, блестяще-какими глазами...». «Коренастый мужчина... с красивыми русыми молодыми усами на свежем весёлом лице...». «Ворота открыла молодая красивая женщина в одном платье и без платка...». «Глаша Нешмашная, статная и ещё молодая... стройная и красивая...» Голубева — «Царица полей»: «Это была женщина статная, не старше сорока лет, с той природной деревенской красотой...». «Прокофий был мужчина статный, со светлыми усами, красиво лежавшими на полной губе...» Жена Головачёва — «красивая женщина лет тридцати...»

Надо заметить, что не только у С. Бабаевского, но и у других авторов, пишущих о колхозной деревне, в числе литературных средств такой приём портретного письма занимает далеко не последнее место.

Известно, как украшают мужское лицо густые кудри. И вот Г. Николаева награждает кудрями чуть не каждого из своих героев. Кто только не кудряв в «Жатве»! Тут и Василий Бортников, и Алексей, и диспетчер Ребров, и «мелкокудрявая» Ефросинья, и Пётр, который со времени своего «окаянства» из парня с «лыняными кудрями» сумел превратиться (к моменту перековки) в парня «русокудрого». Под конец романа Г. Николаева не пощадила и секретаря райкома Андрея Стрельцова:

не желая, чтобы он отставал от окружающих людей, писательница довела и его до того, что он «вынул маленькую зелёную расчёску и принялся старательно расчёсывать кудри».

В романе Е. Мальцева кудри также являются принадлежностью большинства колхозников всех возрастов и их детей — от младенцев до подростков. Меньшинство, лишённое хорошо выраженных кудрей, снабжено «светлыми кудерьками» или хотя «нежными завитками». «Было что-то умилительное и трогательное в тёмном кудерке надо лбом», — пишет Е. Мальцев о Родионе. Читатель вряд ли растрогается, но, должно быть, охотно согласится с автором в части умилительности этого кудрявого однообразия.

Внешности героев соответствует и их одежда. Нередко писатели, отправляя своих героев на сельскую работу, просто не знают, во что их одеть. К примеру, Г. Николаева отправляет агронома Валентину бродить и ползать по заснеженным полям в беличьей шубке. Трудно писателю в большей степени скомпрометировать свою героиню в глазах колхозников. Впрочем, всем известно, что ни одна женщина, выросшая в деревне (а Валентина выросла в деревне!), не выйдет на работу в таком виде. И сама Валентина должна понимать, что беличья шубка в данном случае не только ненужная роскошь, но и непрактичная, неудобная одежда для ползания по снегу. Для этой же героини не нашлось естественной в деревенских условиях одежды и в дальнейшем: Валентина с ног до головы затянута в хром.

Вернёмся к романам С. Бабаевского. В лицах тех персонажей, которых нельзя почему-либо назвать красавцами и красавицами, обязательно находится приятная черта, «доверительно-ласковая улыбка», «ласковые глаза» и тому подобные стандартные детали красоты и добродушия. Лишь изредка среди этой ходячей улыбки-восторга промелькнёт случайное неприятное лицо.

Вообще же автор всё время заботится о том, чтобы ни один человек не омрачал счастливого настроения героя каким-нибудь физическим или нравственным несовершенством. Все, кого встречает Сергей на своём пути, красивы и добры, все смотрят на него ласково и восторженно. Если красавица Ирина Любашева едет на быках, то у неё

не какие-нибудь рядовые быки, повседневная проза жизни, а непременно «быки-красавцы». И если уж поехал на тащанке сам Сергей Тутаринов, то ни скрипа слышать, ни тряски чувствовать ему не подожено: гремела тащанка «как-то по-особенному», катилась «с таким приятным звоном, что слушать её было одно удовольствие». А кучер у Сергея Тутаринова разве может оказаться заурядным? — «Талант! Редкий мастер!»

Таков стиль жизни у Сергея Тутаринова; вернее, таков стиль письма у С. Бабаевского.

Доброе ли это дело — прикрашивать природу? Однако и природа в романах С. Бабаевского выступает в прикрашенном виде. Она не становится от этого красивее — разве что литературнее.

К примеру, луна. Многие события романа совершаются при лунном сиянии. Луна содействует объяснению Сергея с Ириной, свиданию Сергея с Соней. С той же добросовестностью выполняет луна свои несложные обязанности и в романе «Свет над землёй». В картине объяснения Татьяны Неветовой с её первым мужем свидетелем тоже была луна. Когда та же Татьяна целуется с Григорием, со вторым человеком, который, возможно, станет её мужем, «полная, краснощёкая луна, поднявшись над горами, смотрела им в лицо и смеялась...» Анфиса во время своего свидания с Семёном Гончаренко «девичьим чутьём... угадывала, что именно теперь, в этот лунный вечер, Семён назовёт её своей невестой».

Всё это мало оригинально с художественной стороны. Вернее сказать, это можно было бы счесть даже «оригинальностью» — трудно найти писателя, который решился бы в наши дни так злоупотреблять лунным светом. Этот слащавый «романтизм» накладывает известный отпечаток на обе книги.

В романе «Кавалер Золотой Звезды» есть одно знаменательное место. Сергей Тутаринов видит сон, будто бы он едет в Москву и столица встречает его как почётного гостя. На одной из улиц Москвы подъезжает к нему машина, из неё выходит «пожилой генерал».

« — Гвардии младший лейтенант, — говорит генерал, — ты впервые приехал в Москву. Скажи, чего ты желаешь? Каждое

твое желание будет исполнено, ибо ты заслужил его перед родиной.

— Хочу побывать на Красной площади, — отвечает Сергей.

— Хорошо! Посмотри на свою Золотую Звезду, и мы будем на Красной площади.

Сергей взглянул на свою Золотую Звезду — и вот перед ними величественная Красная площадь, вся усыпанная цветами...

Затем герой высказывает ещё несколько желаний:

«— Хочу побывать в мавзолее Ленина, — говорит Сергей.

В ту же минуту перед ними открылись массивные двери...

— Хочу побывать в Кремле.

Сергей посмотрел на свою Золотую Звезду — и вдруг заиграли кремлёвские куранты, распахнулись Спасские ворота, и два Героя стройным шагом прошли мимо часовых...

Все эти сказочные вещи происходят с героем во сне. Но, в сущности, так же легко исполняются его желания и наяву. Кстати, и сон этот Сергей видит по дороге в Москву, куда его вызвали на парад. Случай этот знаменателен тем, что читателю трудно решить: где начинается сновидение, ничем не превосходящее обычную для Тутаринова явь, и где кончается явь, похожая на чудесное сновидение...

Ходит ли Сергей Тутаринов по земле, как в приятном сне, или же он, убаюканный славой, спит наяву, — разобрать почти невозможно. Стоит Сергею, проходя мимо ставропольской чайной, ощутить «приятный запах шашлыка», как в дверях чайной появляется усач в белом фартуке, «восторженно говоря: «Герой! Дорогой мой! Пожалуйста, заходи!» В каждом учреждении, куда он обращается за помощью, его встречают восторженно. До того, как началась деятельность этого счастливчика, район на нужды всех станиц получал всего лишь восемь вагонов леса; но стоило Сергею съездить в Пятигорск и Ставрополь, как лес пошёл в неограниченном количестве. Есть в романе символическая сцена: один из руководящих работников Ставрополя, Николай Николаевич, при первой встрече «обнял Сергея и повёл по мягкой ковровой дорожке». Так же мягко и так же устлан коврами весь жизненный путь Сергея Тутаринова. Ни одна идея не потребовала от него каких-либо жертв. Ни с кем он по-настоя-

щему не ссорится и не воюет. Как мало всё это вяжется со здоровой и деятельной натурой молодого деревенского парня, пршедшего к тому же школу партийной работы и войны! Какой книжной и надуманной выглядит его жизнь!

Почти таким же книжным «совершенством» отмечен комсомолец Алёша в «Жатве». Похоже, что он застыл, прекратив своё развитие ещё до появления в романе. Он говорит таким нудно-поучительным, нормативно-грамотным языком, он всегда так солидно держится, что скорее похож на стародавнего старика, чем на семнадцатилетнего деревенского паренька. Высокоучёным беседам Алёши удивляемся не только мы, им дивится и сестра его Валентина: «И откуда что берётся, просто непонятно!.. Его хоть на кафедру, честнее слово...»

Действительно, откуда всё это берётся?

Нам кажется, что автор преждевременно похоронил Алёшу в повести лишь по той причине, что сам потерял всякую веру в возможность его дальнейшего совершенствования.

Так же по-книжному говорит старик Золототысячник у И. Рябокляча. Характеристику его речи предоставляем автору:

«...И Золототысячник неожиданно изложил целый трактат о способах повышения урожайности. Он ссылаясь на постановления партии и правительства, на указания агрономии, на опыт передовых мастеров высокой урожайности. Стало ясно, что выступал он не случайно, не для проформы, как это бывает с «очередными ораторами», а как хозяин, ревностный, заботливый хозяин земли, доверенный его колхозу...»

Такого рода безличный отрывок был бы справедливо устранён даже из текста простой корреспонденции.

Подобные персонажи и сцены, встречающиеся в непосредственной близости, в соседстве с художественно-добросовестными попытками образного воплощения жизни, не могут считаться лишь внешними, чуть ли не стилистическими погрешностями. Когда речь идёт о вопросах социалистического роста нашего крестьянства, когда речь идёт о людях, характерных для нашей колхозной деревни, топорная работа недопустима. От неё жестоко страдает реалистическая ценность произведения, в сильнейшей мере снижается его общественная роль.

Мы упоминали уже о том, как писатели рисуют (чаще всего малоправдоподобные)

факты жертвенного отказа колхозников и от личного хозяйства и от личной материальной заинтересованности в хозяйстве колхозном.

Галина Николаева в «Жатве» заставляет Фроську, которая, по словам её матери, «из-за гривенника торгуется на базаре, как окающая», преподнести колхозу тысячерублёвый подарок. Поводом для подарка послужила беседа о мичуринском учении. Фроська вела себя во время этой беседы совершенно безучастно; неожиданно она вскакивает и приносит из дома дорогие ей цельные, в человеческий рост, полосы зеркального стекла, купленные на базаре, чтобы остеклить свой дом.

В романе С. Воронина «На своей земле» старый колхозник Хромов, не моргнув глазом, сдаёт на колхозную ферму свою корову «Берёзку». Его личные интересы в представлении автора уже полностью, без остатка растворились в общественных. Объясняя свой поступок жене, Хромов говорит: «У нас ведь останется «Берёзка», только условия ей будут получше, покультурнее... Автопоилки появятся, картофелем станут кормить...» Поступок старика Хромова вызывает подражание: его примеру следуют Субботкины, Климовы, безвозмездно отдающие своих коров на ферму.

Развитие коммунистической сознательности у колхозников совершается, в изображении некоторых писателей, с необычайной лёгкостью. Борьба нового со старым носит здесь чисто условный характер. Едва, например, дед Тронько и Микита Глоба у Рябокляча попали в звено Золототысячника, как оба они осознали своё нравственное несовершенство и тут же почувствовали себя другими людьми.

Стоило Василию Бортникову сменить тон команды и окриков на вежливый и доброжелательный тон в обращении с людьми — и в тот же день дисциплина наладилась, а продуктивность труда удвоилась. Стоило комсомольцу Алёше произнести речь о том, что необходимо для колхоза заработать дополнительные средства, и вот все колхозники вечерами, в неурочное время, дружно принимаются за обработку тресты и тут же, по словам Валентины, начинают говорить «мы», «нам», «у нас». А ведь мы знаем из романа, что в этом колхозе ещё многие люди были захвачены мелкобуржуазными тенденциями!

Ещё более разительное чудо совершается

со Степанидой Бортниковой, властной собственницей, полвека простоявшей за прилавком на базаре. Уж, кажется, человека с полувековым стажем базарной торговли не скоро перевоспитаешь в коллективисты! А вот в «Жатве» её никто даже и не перевоспитывает — она проходит весь путь самостоятельно и притом самым стремительным образом: однажды на базаре она встретила с председателем передового колхоза Угаровым, к которому была издавна равнодушна, встретила и устыдилась своей жизни..

Трудно ожидать, чтобы в такой обстановке, где природа ни в чём не противодействует, а во всём покровительствует людям, где климат благоприятствует произрастанию урожаев, способных озолотить колхоз за один год, где руководители идут от удачи к удаче, не зная сколько-нибудь серьёзных трудностей, где даже самые отсталые люди только ждут случая освободиться от пережитков и предрассудков, — в такой обстановке трудно ожидать, чтобы между людьми могли возникнуть более или менее серьёзные противоречия и конфликты.

И, действительно, в некоторых «колхозных» романах недостаёт именно этой, характерной для жизни, сложности взаимоотношений между людьми. Нередко коллектив советских тружеников предстаёт перед читателем, как тихая заводь, где нет никаких страстей, никаких столкновений.

Вспомним хотя бы, как легко разрешаются трудности в личной жизни героев романа Г. Медынского «Марья». Под конец романа автор осчастливил всех, за исключением негодяя Порхачева К Марье возвращается Семён, о котором раньше пришла похоронная. Наташа, засидевшаяся за войну в девках до 30 лет и завидовавшая молодым, выходит замуж за лучшего человека колхоза, парторга Андрея, выгнавшего свою жену-изменницу. Анна Порхачева, жена отрицательного героя, на склоне лет осчастливлена любовью председателя соседнего колхоза. Герои, которым не досталось счастье в личной жизни, компенсируются автором по другой линии: Варвара, оставшаяся после войны без мужа с пятью детьми, находит удовлетворение в работе и награждается медалью; Дубков, любивший Марью, вполне удовлетворён своей дружбой с Марьей и Семёном, а также своими успехами в МТС.

Подмена напряжённого жизненного процесса картинками почти невозмутимого спокойствия неизбежно порождает бедность и однотипность ситуаций в послевоенных произведениях о деревне. В основе многих из них лежит один и тот же навязчивый конфликт: происходит столкновение между передовой женой, выросшей за годы войны, и мужем, который в лучшем случае сохраняет уровень своего довоенного развития и потому играет роль консервативной силы. Именно таков конфликт между Марьей и Семёном у Медынского, между Груней и Родионом у Мальцева, между Авдотьей и Василием у Николаевой.

Разумеется, и такой конфликт имеет право на существование в литературе, хотя сразу же возникает недоуменный вопрос: почему писатели исключают возможность роста мужчины в годы войны? Но, оставив в стороне этот вопрос, мы должны признать, что действительно за годы войны удивительно выросла советская женщина, особенно женщина в деревне, где ей в большинстве случаев пришлось возглавлять колхозное производство. Однако снова остаётся без ответа ещё один вопрос: почему духовный и политический рост колхозниц писатели пытаются раскрыть одним и тем же путём, с помощью одного и того же конфликта? Это наконец становится штампом, и неисчерпаемая в своём богатстве правда жизни подменяется литературной схемой.

Почти в каждом из этих произведений, за исключением «Жатвы» Г. Николаевой, аргументация всё того же конфликта вызывает у читателя сопротивление.

Что служит непосредственным поводом к возникновению конфликта между супругами? Расхождение по производственным вопросам. Семён ссорится с Марьей у Медынского из-за того, что она отдала Дубкову, механику МТС, колхозную лошадь. Конечно, и по этой причине супруги могли поссориться, но это была бы именно ссора, мусор, вздор, а не глубокий жизненный конфликт. В условиях, описанных Медынским, вряд ли могла произойти даже крупная ссора: ведь долгожданный Семён совсем недавно вернулся из армии. А когда автор посылает Семёна жаловаться на жену районным властям, — думаем, ни один читатель не усомнится, что это уже совсем не похоже на гордого, самоуверенного

фронтовика и противоречит всему характеру Семёна.

Ещё менее правдоподобны обстоятельства, обусловившие разлад между Груней и Родионом у Е. Мальцева. Конфликт здесь разыгрывается в первый же день возвращения Родиона из армии, после долгой разлуки в годы войны. Мы признаём важность самого предмета спора между супругами — спора о посевных площадях: Груня настаивает на том, чтобы звено обрабатывало 50 гектаров, а Родион — 8—10 гектаров. Но внезапное превращение этого разногласия в личный конфликт, без предварительного подспудного накопления недовольства друг другом, без предшествующих размолвок и обид, без обоюдного нарастающего непонимания совершенно неправдоподобно.

Е. Мальцев, вероятно, полагает, что сгущение событий, форсированное развёртывание конфликта способствует «заострению» образа Груни, обнаружению её принципиальности и высокой сознательности. А на самом деле автор этим путём просто-напросто превращает свою героиню в бездушную куклу. Родион понимает всю нелепость их схватки и предлагает мириться: «Голос Родиона звучал покорно и нежно, звал к любви и миру...» Но жена не позволит возобладать над собой чувству! И уже на следующей странице она выступает на заседании правления колхоза против назначения Родиона звеньевым.

Пусть не подумает читатель, что мы возражаем против супружеских споров по принципиальным вопросам и против того, чтобы автор доводил при случае эти споры, быть может, и до разрыва. Но мы за то, чтобы эти столкновения супругов были глубоко мотивированы, чтобы они естественно вытекали из всей их жизни и особенностей характеров.

Однажды оказывается в трудном положении и главный герой романов С. Бабаевского Сергей Тутаринов: у него произошла размолвка с женой, Ириной. Ирина ратует за то, чтобы подключить марьяновцев к Усть-Невинской ГЭС, а Сергей противится этому. Повидимому, понимая всю бесполезность подобного рода размолвок для развития действия в романе и для раскрытия их собственных характеров как героев романа, супруги вскоре примиряются — Сергей решает помочь марьяновцам и даже хочет соревноваться с ними.

Столкновения другого сорта ликвидируются у С. Бабаевского ещё проще.

Савва Остроухов однажды заявляет Сергею Тутаринову, что электростанцию, построенную в основном устьевинцами, он не согласен предоставлять в пользование другим станицам. Ну, думаешь, сейчас вспыхнет хотя бы спор (конфликта таким сырым топливом не разожжёшь!) и в характерах Сергея и Саввы откроется что-то новое. Но друзья детства уже на следующей странице примиряются.

Семён Гончаренко ощутил острый приступ тоскливого одиночества: «впервые за всю жизнь ощутил такую острую боль в сердце, что готов был расплакаться», — любимая не пришла на свидание. Этот случай заставляет его задуматься о жизни вообще, и мы, сочувствуя герою, ждём, какие человеческие черты, какие стороны своего характера откроет нам Семён, переживающий свою беду. Напрасное ожидание! Автор тут же приводит к Семёну Анфису, разгоняет его горе всенселяющим поцелуем любимой, и... «станция в лунном сиянии» показалась «такой сказочной, что её уже нельзя было ни с чем сравнить. Семёну уже не хотелось уезжать отсюда».

Художественные произведения, в которых не преодолены, а затушёваны конфликты и противоречия действительности, в которых описанием производственных процессов вытесняется изображение характеров, взглядов и судеб людей, не могут обладать не только богатством внутреннего содержания, но и сколько-нибудь органичной цельностью и литературной стройностью.

В некоторых произведениях, о которых мы говорим в этой статье, есть бросающееся в глаза несоответствие: характеры и исход основных коллизий между персонажами уже определены, но автор продолжает вытягивать своё произведение по «производственной линии». Интерес к героям, если он был, сразу же терется, из живых действующих лиц они превращаются в фигурки, при помощи которых автор решает очередную производственную операцию. Читатель видит здесь вместо повествования хозяйственный отчёт, худо ли, хорошо ли с технико-экономической точки зрения составленный.

Описательно-отчётный характер и стиль ясно выступают в романах Г. Медынского «Марья» и С. Воронина «На своей земле». С. Бабаевский, романах которого присущ тот же недостаток, старается преодолеть

несоответствие между человеческим и производственно-техническим материалом следующим способом.

Сначала автор повествует о хозяйственных преобразованиях в пределах одной станицы; затем ареной той же самой производственной деятельности становится уже не станица, а район. Строя так повествование, можно его «развивать» воистину беспредельно! Исчерпав возможности преобразования в районе, можно повторить то же самое в более просторных масштабах области. Такая возможность уже намечена автором: из книги «Свет над землёй» мы узнаём, что Сергея Тутаринова избирают членом обкома партии.

Расширение территориальных границ повествования не связано в романах С. Бабаевского с историей взаимоотношений между героями, не связано с развитием характеров. Нельзя же всерьёз принимать за развитие характера искусственное заражение Сергея благодушием! Чисто механическое привнесение «отрицательного начала» в характер Сергея Тутаринова не имеет ничего общего с живым развитием образа.

Когда материальная и духовная жизнь народа не понята и не изображена как единый, целостный процесс, тогда и в литературном сюжете линию развития характеров трудно привести в органическое соответствие с линией развития того дела, которое изображено в произведении. В этом случае мы говорим: сюжет не удался, композиция рыхлая. Но в данном случае (а впрочем, и всегда) в недостатках формы выражается недостаток реального материала, идейного содержания. Литературная умелость писателя может лишь скрыть этот недостаток и придать произведению внешне упорядоченный и завершённый вид.

В этом отношении из названных нами произведений наиболее удачно построена «Жатва» Г. Николаевой. Писательница более строго и тщательно отбирает факты и персонажи, причём последние отличаются сравнительно большей живостью и реализмом. Кроме того, очевидна забота писательницы о том, чтобы линию личной жизни героев слить с общественно-производственной линией. К сожалению, этот принцип не до конца выдержан. В главном «личная» линия в романе заканчивается уже в главе, имеющей характерное название «Старое по-новому»; к этому времени

и характеры героев уже вполне ясны и семейная коллизия завершилась прочным, вновь обретенным в совместной работе счастьем. К этому времени исчерпывает себя, по существу, и общественно-производственная линия: колхоз из отстающих вышел в передовые. Но писательница почему-то не может остановиться; на протяжении всей третьей части тянется повествование о том, как преодолевал отсталость уже не колхоз, а весь район. На первый взгляд в этом есть своя логика: в начале романа устами секретаря райкома Андрея Стрельцова была поставлена задача — вывести в передовые не только колхоз «Первое Мая», но и весь район. Но это лишь видимость логики. Главные герои уже остановились в своём развитии, и, какой стороной ни поворачивает их в дальнейшем автор, ничего нового читателю не открывается. На передний план здесь выдвигаются, взамен Бортниковых, Андрей Стрельцов и Валентина, и только лишь потому, что, в отличие от первой пары, оба они — работники районного масштаба. Но, не говоря уж о том, что замена главных героев в ходе романа с литературной точки зрения весьма сомнительный приём, а должностной масштаб не может сойти за сколько-нибудь приемлемую мотивировку, — не говоря уж обо всём этом, Андрей Стрельцов и Валентина так невыразительны и бедны как характеры, что держать на своих плечах всё здание романа они, конечно, не могут. По этой причине вся третья часть «Жатвы» описательна, зачастую сбивается на отчёт и производит впечатление непомерно затянувшегося эпилога. Впечатление стройности и цельности исчезает.

3

Мы отметили наиболее серьёзные недостатки нескольких литературных произведений, изображающих советскую деревню. Несомненно, многие из этих недостатков уже не повторятся в новых произведениях и принадлежат прошлому. Но просто предоставить времени ликвидацию прежних заблуждений было бы неправильно. Ошибки формулировались резко, повторялись настойчиво; надо с такой же определённой силой разъяснить их вред.

Ещё недавно С. Бабаевский в своей книге «Свет над землёй», сравнивая нашу литературу о деревне с «обширными полями чернозёма», а писателей — с хлеборобами,

утверждал, что вся площадь этой земли вспахана: «Кажется, уже нет такого клочка земли, которого не коснулся бы плуг, хотя бы кончиком своего лемеха».

По нашему разумению, этот «рапорт» появился раньше срока. Не о завершении пахоты или степени её совершенства надо было говорить, а о широких просторах ещё не поднятой целины, о серьёзных «огрехах» в работе хлебопашцев-писателей, захватывающих чернозёмную целину чаще всего только «кончиком своего лемеха», о сорняках, разросшихся по мелкой вспашке, о зёрнах, не очищенных от плевел.

Вероятно, к таким выводам пришёл в настоящее время и сам С. Бабаевский. Во всяком случае его товарищи по перу признали серьёзные недостатки в литературе о колхозной деревне.

«Мы подходим к некоторым явлениям жизни, не вникая в их сущность, иногда грешим против правды по незнанию жизни, иногда и сознательно лакируя действительность. Мы забываем, что в центре литературного произведения должен стоять человек, и увлекаемся хозяйственными вопросами», — заявил Е. Мальцев.

О том же говорит и Г. Николаева.

«Постановления ЦК партии, — сказала она, — дают возможность проверить жизненность многих художественных произведений. Выжили те произведения, в которых писатель шёл по пути жизненной правды, не лакируя, не искажая действительности. Лакировка, сглаженность вводят к нарушению типизации и говорят о неумении писателя проникнуть в сущность той среды, о которой он пишет. Жизнь деревни сложна. Медкособственнические пережитки не уничтожены. Писатели должны следовать той жизненной правде, которая звучит в таком произведении, как «Тихий Дон» М. Шолохова...» Г. Николаева признала, что некоторые главы её романа «Жатва» были лишены этой правды, что она сгладила наиболее острые конфликты.

Мужественная самокритика писателей, появление в 1953 году ряда реалистических художественных произведений Овечкина, Калинина, Тропольского, Тендрякова и других обещают нам большие успехи в литературе о деревне. Надеемся, что этим успехам будет содействовать литературная критика, которой для этого необходимо внимательно обдумать свои промахи, сделанные в прошлом. Новые произведения о

деревне требуют особого разговора, который выходит за пределы этой статьи.

Мы ещё вернёмся к вопросу о критике. Но предварительно считаем нужным сделать одно замечание общего порядка.

Можно себе представить писателя, который решит — для того, чтобы исправить своё пражнее невнимание к жизненным трудностям, — употребить свои лучшие силы на выискивание одних лишь тёмных сторон жизни и быта колхозной деревни. Можно, повторяем, представить себе эту картину, но она не имеет ничего общего с подлинными целями литературы.

Нельзя глубоко и верно передать картину жизни нашего общества, минуя основное и главное в этой жизни: её победоносное движение вперёд, непрерывное становление нового, процесс развития социалистического человека. «В своих произведениях, — говорит Г. М. Маленков, — наши писатели и художники должны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе, раскрывать в положительных художественных образах людей нового типа во всём великолепии их человеческого достоинства и тем самым способствовать воспитанию в людях нашего общества характеров, навыков, привычек, свободных от язв и пороков, порождённых капитализмом»¹.

Правильно выполнить эти требования, правильно решить эту задачу — значит подняться на новую ступень в художественном освоении мира. Задача состоит в том, чтобы дать живую картину жизни, картину повседневного трудового подвига колхозного крестьянства, напряжённо борющегося за реализацию исторических постановлений партии по вопросам сельского хозяйства, создать произведения, увлекательно и правдиво рассказывающие о жизни нашей деревни.

Когда задумываешься о недостатках послевоенных произведений художественной литературы о колхозной деревне, невольно задаёшь себе вопрос: какую роль сыграли здесь критики? К сожалению, без преувеличения можно сказать, что нет ни одного сколько-нибудь крупного недостатка в произведениях о деревне, не оправданного так или иначе критиками.

Некоторые критические статьи о произведениях, которые мы разбираем, порицают прежде всего хвалебным тоном, которым они написаны.

«В романах С. Бабаевского с исключительной силой раскрыта диалектика жизненного развития», — писал А. Макаров о романах «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землёй».

«...Бабаевский, как подлинный писатель-реалист, всегда «держит» руку на пульсе жизни», — вторил ему Б. Платонов.

Почти никто из критиков не потрудился сравнить литературу о колхозной деревне с жизнью, статьи критиков имели по большей части поверхностный, субъективно-оценочный характер.

Не зная деревни, критики нередко превозносили самые слабые стороны произведения. Например, Т. Трифонова, правильно отметив ряд недостатков романа С. Воронина «На своей земле», писала: «В романе есть и удачи. Когда старик Поликарп Евстигнеевич решает отдать в колхоз свою корову «Берёзку», а взамен взять одну из плохих коров с колхозного двора, возникают и споры с женой, и разлад с односельчанами, и сомнения у руководителей...» И критик заключает: «Так борьба за решение хозяйственных задач помогла раскрыть человеческие отношения».

На самом деле сцены романа, связанные со сдачей стариком Хромовым своей коровы, принадлежат к числу самых слабых. Они крайне надуманны.

Ещё большую неосведомлённость проявляет Т. Трифонова, когда пишет о книге Е. Мальцева «От всего сердца»: «В романе Мальцева... жизнь деревни показана глубоко и правдиво, во всём многообразии, со всеми трудностями, которые преодолеваются в упорном труде под руководством партийной организации».

В действительности для романа Е. Мальцева «От всего сердца» как раз и характерно поверхностное изображение трудностей военного и послевоенного времени.

«Произнесите мысленно слово «деревня», — пишет критик А. Макаров, — и перед вами возникают тракторы в поле, грузовик, пылящий по просёлку, уходящие за горизонт линии столбов с телефонными и электрическими проводами, бескрайние поля; проходят чередой люди, лица которых светятся сознанием собственного достоинства, и на груди у некоторых поблёскивают звёз-

¹ Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 72.

ды Героя Социалистического Труда, как бы вобравшие в себя живое золотое созревших хлебов».

Слов нет, в нашей деревне есть и тракторы, и грузовики, и столбы с электрическими проводами, и люди со звёздами Героя. Всё это есть! Но разве жизнь деревни исчерпывается этим? Разве в деревне нет своих серьёзных трудностей, своих недостатков и теневых сторон? Разве в ней живут только люди, «лица которых светятся сознанием собственного достоинства»? Разве в деревне уже исчезли лодыри, люди с собственническими замашками, люди, которых надо ещё воспитывать? Если жизнь современной деревни выглядит такой безмятежной идиллией, как нарисовал А. Макаров, то можно подумать, что дальнейший подъём сельского хозяйства пойдёт в порядке самотёка. Думать же так — совершенно неправильно.

Но вот писатель решил воспроизвести жизнь во всей её сложности и противоречивости. Такого писателя критики нередко подвергали суровой «проработке»: натурализм, бытовизм, архаизация, отступление от правды жизни, отсутствие чувства нового. И это ещё не самые сильные слова, какими критики клеймили писателя, дерзнувшего понять те реальные и конкретные формы, в которых в данное время осуществляется борьба за коммунизм.

Стоило Г. Медынскому в своём романе «Марья» (о недостатках романа мы уже говорили) упомянуть о деревенском дурачке Саше, как критик Е. Дорош сразу же безапелляционно заявил: «Ну чем не картинка из дореволюционного крестьянского быта с его кликушами, юродивыми и дурачками, порождёнными идиотизмом деревенской жизни!»

Но не о дурачке и речь. Без него можно, конечно, и обойтись. Критики иной раз выступали и против изображения обыкновенных людей, если о них сказано без прикрас, и доходили иногда до курьёзнейших анекдотов. Упомянутая нами статья Е. Дороша называется «Марья или Мария Карповна?» Автор с возмущением писал, что уже имя героини — Марья — не характерно для советской деревни, что оно резко противоречит представлению о передовом человеке сегодняшней деревни:

«Григорий Медынский, называя передового человека колхозной деревни грубоватым, «бабьим» именем, заславив этого человека

разговаривать нарочито «мужицким» языком, тем самым обидел, принизил свою героиню, а это, в свою очередь, в какой-то мере лишило нас веры в то, что Мария Карповна Морозова действительно передовой человек советского села, руководитель колхоза, одна из тех замечательных женщин, имена которых (с отчеством и фамилией) не сходят со страниц нашей печати».

Непонятно: чем может имя Марья принизить передовую женщину советской деревни?

Но критик уже не может задать себе этот простой вопрос. Увлечённый своей пустой догадкой, он спешит к далеко идущим выводам: «Так противоречие между формой, навеянной устаревшими представлениями о деревне, и современным содержанием лишило произведение главного — правды».

Из-за того, что женщину зовут Марьей, произведение стало неправдивым...

Марья и Семён говорят в романе простым русским языком, иногда употребляя даже местные выражения. И критик снова возмущён. Как! Замечательный организатор колхозного производства Мария Карповна и «бывший бригадир, недавно воин победоносной, самой культурной Советской Армии» — и вдруг допускают погрешности против литературного языка!

Заметим, что чистота и правильность языка в литературе и нам дороги. И мы считаем, что наш литературный язык достаточно богат, чтобы в нём можно было найти все нужные выразительные средства. Но разве отсюда следует, что в речи персонажей (а иной раз и в авторской) не могут с пользой для искусства употребляться бытовые, пусть даже местные характерные слова и обороты?

Товарищу Дорошу и дела нет до того, что Марья и Семён не кончили даже семилетки, что в их устах литературный язык, отличающийся совершенной грамматической правильностью, звучал бы более чем странно. Ведь Марья до того, как стала председателем колхоза, совсем не читала книг и газет, она была полуграмотна; именно процесс культурного роста рядовой деревенской женщины, которая в условиях колхозного строя постепенно вырастает в образованного человека, становится вожаком деревни, является одной из главных тем романа; Г. Медынский справедливо видит в этом росте показатель силы и прогрессивности колхозного строя.

Критик об этом и думать не хочет. Раз героиня — председатель колхоза, твердит он, значит она передовой человек; а раз она передовой человек — пусть изъясняется литературным языком. Вместо критики колористических излишеств, которые действительно есть в языке персонажей Медынского, Е. Дорош требует дистилляции и абсолютного обесцвечивания языка. При этом нивелировка языка персонажей ведётся, как мы видели, под флагом борьбы за отраженные нового.

Во многих из рассматриваемых нами произведений внутренний мир героев небогат. Живое чувство настолько сковано скучным рассудком, что, в сущности, и жизни-то в этом чувстве почти нет — лишь изредка оно вырывается из плена и заявляет свои права. И здесь критики не помогли писателям.

Боже упаси, чтобы герой — молодой парень — совершил тот или иной поступок под влиянием внезапно вспыхнувшей любви, а не под давлением заранее обдуманного общественного, делового соображения! Можно было предсказать, что такому герою не повезёт на последних страницах журналов.

Особенно суров в своих статьях С. Иванов. По мнению этого критика, С. Бабаевский неоправданно снизил образ Виктора Грачёва: «Виктор остаётся в районе не потому, что его увлекают огромные перспективы нового строительства, а потому, что на его пути встречается женщина» (!). «Это — обеднение образа одного из героев».

Подобные же обвинения С. Иванов предъявил и Е. Мальцеву. В романе «От всего сердца», между прочим, рассказывается, что Матвей Русанов, получив на фронте известие от любимой девушки, что она согласна стать его женой, начинает воевать ещё лучше и ожесточённее. Казалось бы, чему тут удивляться? Но критик и тут узрел какую-то неестественность. «Неужели не получив письма от Фроси, Русанов воевал бы иначе, без ненависти к врагу, без дисциплины, без воли, без осторожности?»

От героев художественных произведений нередко требовали, чтобы каждый из них был образцовым представителем целого общества или целого общественного слоя и обладал всеми лучшими качествами, выражающими социалистическую культуру. И. Арамилев, следуя этому предрассудку, ополчился на Г. Медынского за то, что тот изобразил работника местного Сове-

та Иволгина бесхребетным и ограниченным: «Для чего понадобилось Г. Медынскому сгущать чёрные краски в изображении представителей низовых советских органов?.. Ошибка писателя. Главное — это неправда! Не бывает так в жизни!»

Исходя из ложного понимания жизненной правды, критики требовали от писателей, чтобы они немедленно перевоспитывали любого человека, у которого обнаружилось хотя бы единое родимое пятнышко прошлого, или, если уж этого сделать нельзя, то, по крайней мере, поставили бы его в такие жизненные условия, которые могут гарантировать его социальную безвредность.

Например, Б. Платонов был обеспокоен, когда увидел, что Евсей Нарыжный (у Бабаевского) после смерти Хохлакова, вместо того чтобы явиться в район с покаянием, по образному выражению критика, «исчезает из поля зрения читателя, как бы уходит в некую мглистую даль». Куда? — спрашивает критик. «Или ему, идущему наперекор советской жизни, осталась какая-то дорога на советской земле? Разве не закрыт ему — такому, каким он был и остаётся, — путь на Каспий и в Кабарду?...» Если руководствоваться такими «теоретическими» соображениями, исчезла бы всякая возможность всерьёз изображать отрицательных героев.

Ясно, как мало помогала критика исправлять ошибки писателей.

Приведём очень показательную полемику, возникшую по поводу одного романа.

В 1946 году был опубликован роман Е. Мальцева «Горячие ключи». Это было первое крупное по объёму произведение начинающего писателя. Е. Мальцев изобразил деревню первых двух лет войны. Ушли на фронт мужчины, не хватает рабочих рук, семян, тягла. Поднимают голозу уцелевшие антисоветские элементы, особенно в те месяцы, когда враг подходил к Сталинграду. Но колхозная деревня живёт и борется вместе с армией. Простые русские колхозницы, охваченные постоянной тревогой за жизнь своих мужей и братьев, воюющих на фронтах, трудятся не покладая рук. В романе создан ряд образов деревенских тружеников, воспроизведена сложность реальной жизни.

Это произведение было не лишено серьёзных недостатков, но подкупало свое-

искренностью. Как же встретила его наша критика?

Одним из первых дал свою оценку романа А. Макаров. В статье «По страницам журналов», опубликованной в №№ 4—5 «Нового мира» за 1946 год, он охарактеризовал его как произведение «серьёзное и полезное». Однако, перейдя к детальному рассмотрению, он высказал целый ряд таких критических замечаний, которые, по существу, начисто отвергали эту оценку.

Критик упрекал писателя в отсутствии чувства нового. А. Макарова не удовлетворяло также и то обстоятельство, что далеко не все персонажи в романе «перековываются», не все сюжетные линии завершаются благополучными концами; на этом основании он утверждал, что классовый враг в романе будто бы недостаточно разоблачён. В общем, критик требовал от писателя приглаженного, одностороннего изображения деревни и её людей.

Именно так и поняла смысл выступления А. Макарова критик Ф. Александрова. В своей рецензии¹ она, в противовес Макарову, подчеркнула, что основное достоинство книги Е. Мальцева состоит в стремлении к правдивому изображению деревни в период войны.

Дело на этом не кончилось. Против рецензии Ф. Александровой выступил в «Новом мире» с большой статьёй под широким заголовком «Литература и колхозная деревня» А. Дроздов. Центром этой статьи было продолжение спора о «Горячих ключах». Развивая основные положения, высказанные ранее А. Макаровым, А. Дроздов учинил настоящую расправу над романом. Правдивое изображение трудностей, переживаемых деревней в годы войны, он заклеил как литературный анахронизм. Деревня у Мальцева, безапелляционно заявлял критик, лишена примет нового: «Похоже на то, что Отечественная война в романе Мальцева разразилась не в 1941 году, а в тридцатых годах нашего столетия». Вредительскую деятельность враждебных элементов в тылу Советской Армии в годы войны критик объявил конфликтами книжного происхождения, взятыми напрокат из литературы тридцатых годов:

«Утверждаем точно, товарищ Мальцев: Макшаковы (Макшаков — бывший кулак,

активизировавший враждебную деятельность в первые годы войны.— Ф. А.) не противостояли колхозному крестьянству во время Отечественной войны; классовый враг внутри страны не мог выступать, как сила, имеющая возможность влиять на результаты трудового подвига крестьянства. А в романе Макшаков, совершая поджог, убивая и травя активистов, вредя хозяйству, создаёт своего рода внутренний фашистский фронт за Уральским хребтом, в центре великой страны!»

Исходя из неверной трактовки типического, критик настойчиво внушал автору, что нельзя изображать в качестве отрицательных героев бывших кулаков, так как кулачество как класс было ликвидировано в тридцатые годы:

«Поскольку уничтожены самые причины классового расслоения деревни, постольку Андрон Макшаков — анахронизм и в действительной жизни и в литературе, если она хочет дать обобщённую и верную картину этой действительной жизни».

С такой же решительностью критик заявлял, что нельзя изображать колхозников с индивидуалистическими пережитками в сознании и т. п. Раз он колхозник, рассуждал критик, значит он должен быть социалистически сознательным человеком.

Как же предлагал критик изображать деревню эпохи войны? Задача писателя, обратившегося к теме деревни военного периода, по словам А. Дроздова, это «изображение расширенного воспроизводства сельского хозяйства в тыловых районах страны, что и является для художника базой, на которой можно показывать новые черты в характере наших крестьян военного времени».

Для того, чтобы придать своим требованиям характер непререкаемости, критик прибегает к предельно резким оценкам: «Политический кругозор романа, написанного Мальцевым, ограничен... сознание его как-то сковано, неторопливо, непродвинуто».

И уже совсем устрашающе звучат слова: «...автор встал спиной к сегодняшнему дню и лицом к дню прошлому».

Все эти советы могли оказать на начинающего писателя лишь нежелательное воздействие. Второй роман Е. Мальцева — «Ог всего сердца», — написанный на материале, взятом из жизни сибирской деревни того же периода, уступает первой книге в правдивости. Колхозная деревня во время вой-

¹ Журнал «Октябрь», №№ 7—8 за 1946 год.

ны здесь действительно предстаёт с точки зрения «расширенного воспроизводства сельского хозяйства».

Если первая книга характеризуется непряжёнными положениями, то вторая очень бедна в этом отношении. Если первая книга рисует некоторые характерные приметы и черты деревенских жителей, то напрасно мы стали бы искать подобных примет и черт у героев романа «От всего сердца». Резко ухудшился во втором романе язык и стиль. Уже в первой книге обращала на себя внимание склонность автора к излишне усложнённой метафоре, к искусственным, надуманным образам. Уже там нередко встречались такие стилистические красоты, как «шарили землю водянистыми щупальцами фары коюшкиного трактора», «золотая пена соломы», «чёрные мускулы земли», в небе «в голубом кипятке трепыхались белогёрбые птицы» и т. п. И всё же не эти дешёвые украшения определяли стиль романа «Горячие ключи»; в основном произведение характеризовала конкретная образность. Вот, например, каким пейзажем, сразу же вводящим нас в тяжёлую обстановку осени 1941 года, открывается книга: «Тёмный, отяжелевший от влаги сноп ржи. Шагах в пяти дальше угадывает Никита чёрный островок несжатого поля, торчащие из-под снега колосья...»

Казалось бы, критика, разбирая первое произведение молодого писателя, должна была предостеречь его от дешёвых соблазнов. Но этого не случилось. А. Дроздов, например, счёл возможным из всех имеющихся в «Горячих ключах» многочисленных пейзажей отметить только один: «Дождь стихал. Пробив толщу облаков, солнце разметало их белые дымящиеся вороха, и в светлые проёмы хлынула слепящая голубизна. Степь охорашивалась, как птица,

ероша перья, изогнув под пышнозелёной своей одеждой золотисто-оранжевую шею-радугу, стряхивая в расползающиеся лужи гроздь капель». Приведя эти строки, критик восторженно заключал: «Приподнято, торжественно, смело... и чудесно, в самом деле чудесно!»

Нет, далеко не чудесно! Пейзаж этот вычурен, безвкусен. И вот эту очевидную надуманность, эту безвкусицу критик принял за новое слово в литературе.

Было бы неосмотрительно с нашей стороны преувеличивать силу влияния критических статей на писателя. Но, как бы то ни было, своей дальнейшей работой он как бы откликнулся на призывы критики. В частности, стилистический мусор, лишь отчасти засорявший *его первую* книгу, в романе «От всего сердца» стал уже распространённой особенностью языка.

Разумеется, в недостатках романов виновны прежде всего сами авторы: излишняя уступчивость напористым, но ошибочным советам никогда не была писательской добродетелью и признаком силы! Но надо отдать должное и критикам, толкающим писателей на ложный путь.

Только правда — прямая и нелицеприятная, страстное партийное проникновение в глубинные процессы нашей жизни, постановка насущных вопросов строительства коммунизма, изображение подлинной духовной жизни советских людей являются целью, достойной советского писателя. Теперь, когда перед нашей литературой стоит ответственная задача — помочь всенародной борьбе за быстрое развитие сельского хозяйства, — особенно важно помнить об этом. Именно этот главный вывод должны извлечь писатели и критики из последних решений партии и правительства.

